

Дым отечества

Автор:

Василий Брусянин

Дым отечества

Василий Васильевич Брусянин

Дом на костях

«Их было пятеро, и все они в продолжение нескольких лет бесменно занимались в обширной угловой комнате большого трёхэтажного дома, где помещалась казённая палата.

Два окна угловой комнаты выходили в казённый сад, где росли высокие и толстые берёзы и липы, а остальные окна, счётом три, обращены были на улицу, с пыльной мостовой, выложенной булыжником, с низенькими столбиками вдоль тротуаров и с невысоким забором больничного сада напротив. Из-за забора виднелись зелёные верхушки молодых, недавно посаженных берёзок...»

Василий Брусянин

Дым отечества

I

Их было пятеро, и все они в продолжение нескольких лет бесменно занимались в обширной угловой комнате большого трёхэтажного дома, где помещалась казённая палата.

Два окна угловой комнаты выходили в казённый сад, где росли высокие и толстые берёзы и липы, а остальные окна, счётом три, обращены были на улицу, с пыльной мостовой, выложенной булыжником, с низенькими столбиками вдоль тротуаров и с невысоким забором больничного сада напротив. Из-за забора виднелись зелёные верхушки молодых, недавно посаженных берёзок.

Весною и летом деревья казённого сада стояли зелёными, и когда раскрывались окна, обширная комната насыщалась запахом липового цвета; осенью, когда шёл дождь, или дул ветер, поблёкшие и пожелтевшие листочки берёз и лип трепетали, отяжелевшие от влаги, ветви склонялись к земле и с какой-то непонятной печалью заглядывали в окна присутственного места. А когда нагрянут суровые морозы зимы, липы и берёзы сокрушённо покачивают верхушками и оголёнными ветками осторожно постукивают в стёкла окон.

В продолжение каждого года сад несколько раз менял свою физиономию, а в обширной угловой комнате жизнь тянулась однообразно, скучно, вяло...

В комнате, где занимались все они пятеро с девяти до трёх днём и с семи до десяти часов вечером, стояли большие столы, прикрытые клеёнкой, возле столов – венские стулья; около стен размещались большие шкафы с масляными пятнами у замочных скважин, а у двери, при входе, стояла печь-голландка с громадным вентилятором почти у самого потолка.

Стены и потолок комнаты были оштукатурены, и, хотя их и подновляли каждое лето, всё же они выглядели изжелта-серыми. Посреди потолка был вылеплен из алебаstra узорный круг со ржавым крюком, но ни люстр, ни простых ламп никогда не вешали на этот крюк.

Пол также ежегодно подкрашивали, но месяца через два-три после ремонта под каждым из столов, в том месте, где целыми днями ёрзали ноги пишущих людей, появлялись белесоватые пятна царапин. К Рождеству пятна разрастались и ещё более белели, а летом маляры их снова закрашивали.

Все неодушевлённые предметы угловой комнаты – стулья, столы, шкафы и этажерки – были до режущего глаз однообразия похожи друг на друга. Чернильницы, стоявшие перед каждым из чиновников, красненькие вставочки, пресс-папье и карандаши имели также поразительное сходство друг с другом...

И даже на одушевлённых предметах, на людях, сидящих за столами, лежал какой-то особый однообразный отпечаток...

Были похожи одна на другую и большие книги, бланки и листы бумаги, которые исписывались, да, кажется, и смысл всех бумаг был один и тот же, что можно было судить по тому, что о содержании их никогда и никто из сидящих в угловой комнате не спорил, и только столоначальник иногда делал замечание подчинённым, если замечал отступление от принятого шаблона.

Бумаги в чинном спокойствии переписывались, группировались на столе столоначальника, который потом уносил их в соседнюю комнату и возвращался обратно с кипой новых бумаг, которые потом распределялись между подчинёнными и исполнялись.

Так совершалось изо дня в день, из года в год... Изменялся только внешний облик людей, сидевших в угловой комнате: все они старели, отдаляясь от счастливого разнообразием детства и приближаясь к роковому и неизбежному для всех концу. Последнее обстоятельство было самым трагическим в их жизни: если бы смерть спросила их, для чего они жили, они ничего не сумели бы ответить.

Были у некоторых из них семейные неприятности, и все они дружно обсуждали их, посильно поддерживая в пострадавшем падающий дух. О семейных радостях все они также дружно рассуждали, улыбались и жали друг другу руки.

Неприятности по службе завоевали какое-то право гражданства на угловую комнату: не проходило дня, чтобы начальство кого-нибудь не распекало. Неудовольствие начальства зарождалось обыкновенно в комнате его превосходительства и, переходя от высшего начальства к низшему, достигало до угловой комнаты в устрашающей степени.

Обыкновенно, столоначальник Николай Павлович Брызгин приносил это «угрожающее» в угловую комнату. Возвращаясь от начальника отделения красным от «распёка», он проходил к своему столу и начинал всегда одной и той же стереотипной фразой:

– Сколько раз, господа, говорил я вам – делайте, как приказывает начальство, а вы... хоть бы что!

При таком вступлении Брызгина его помощник Кудрявцев, лысый господин, женатый на сердитой вдове, опускал к столу голову и бледнел. Писец Флюгин, старичок, нюхающий табак, так же склонялся к столу и начинал усиленное скрипеть пером, представляя себе весь ужас положения, если ему откажут, а у него пять человек детей...

Два других писца, молодые люди, ещё не обременённые семействами, относились к замечаниям столоначальника неодинаково: низенький и черноволосый Блузин, большой поклонник одеколона и цветных галстуков, бледнел и с испуганным выражением в глазах смотрел на пуговицу вицмундира начальника или на стёкла его очков, а длинный и поджарый Ватрушкин опускал голову и начинал кусать губы, чтобы не выразить открыто своего удовольствия, так как страшно радовался, когда начальство пробирало Брызгина.

– Вот вы, Ватрушкин, не можете сделать копии без ошибки! – делал ему замечание столоначальник и делал это почти каждый день, так как Ватрушкин, обладавший красивым и быстрым почерком, считался незаменимым «копиистом».

По установленной самим его превосходительством дисциплине Ватрушкин поднимался со стула и выслушивал выговор стоя.

Столоначальник не любил его за бойкий язык и при каждом подходящем случае старался напомнить ему о дурном исполнении обязанностей. Иногда Брызгин принимался «пропекать» всех своих подчинённых по порядку старшинства – и тогда Ватрушкину как самому младшему почему-то доставалось всех больше.

II

Однажды в июле Брызгин неожиданно был вызван в кабинет к самому его превосходительству. Вошёл он в кабинет начальника весь дрожа и не зная, чем может кончиться этот вызов.

– Вот что, господин Брызгин, – начал его превосходительство. – Я давно думал об увеличении штата писцов. У меня есть знакомая... т. е. у моей знакомой дамы из хорошего семейства есть племянник, молодой человек... Так вот-с, он определяется писцом под ваше наблюдение... Я знаю, вы – старослужащий, знакомы с заведёнными мною порядками и, я уверен, сумеете подготовить из него хорошего чиновника... Распорядитесь там, чтобы у вас ему дали место!..

Его превосходительство сделал рукою соответствующее движение, и Брызгин, раскланявшись, удалился.

Когда он сообщил своим подчинённым о событии, изменяющем численный состав служащих в угловой комнате, чиновники вначале отнеслись к этому равнодушно, и только старичок Флюгин оробел, боясь всяких новых вторжений и с паническим ужасом видя в каждом новом служащем своего заместителя.

– А кто он? – почему-то с дрожью в голосе спросил Кудрявцев.

– Какой-то племянник знакомой дамы его превосходительства, г-на управляющего палатой.

– О-о!.. – воскликнули в один голос присутствующие и все разом сообразили, что этот «он» не что-нибудь, а родственник знакомой дамы самого его превосходительства...

– Почему же это его к нам? Ведь кажется, мы успеваем в работе? – с нескрываемой тревогой продолжал Кудрявцев.

– Бог знает, почему! – ответил Брызгин, втайне довольный, что управляющий палатой определил новичка именно к нему, доверяя его опыту.

В день известия о новом служащем писцы угловой комнаты особенно часто отлучались в «курилку» – и скоро все в палате знали, что «в стол» Брызгина определился новый писец, племянник знакомой дамы начальника.

– И что это, право, будет? – вздыхая, спрашивал Флюгин.

– Что будет, что будет? – передразнил его бойкий Ватрушкин. – Работы будет меньше на каждого из нас, вот и только!

– Оно так-то так... а только...

– Ну, что «только»?.. Увидим, – успокаивал Флюгина и Блузин.

Дня через два, часов в 10 утра, курьер палаты привёл в угловую комнату молодого человека лет 18.

Это был безусый брюнет, с коротко подстриженными волосами и розовыми одутловатыми щеками.

Острые тёмные глаза его почти всегда насмешливо улыбались, улыбка не сходила и с углов губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/brusyanin_vasiliy/dym-otechestva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)